

ББК 63.52 (2 Р — 4 Сах)
П 32

Б.О.Пилсудский — исследователь народов Сахалина
(Материалы международной научной конференции.
31 октября — 2 ноября 1991г. г.Южно-Сахалинск) —
Т.2. — Южно-Сахалинск, Сахалинский областной краеведческий музей, 1992 — С.
ISBN 5-900334-03-1

ISBN 5-900334-03-1 (Т.2)
5-900334-01-5

4) Именно поэтому необходима срочная государственная программа возрождения орокского языка как основного элемента сохранения культуры и этноса; программа возрождения народа, которому необходимо знание родного языка уже из чувства национального самосознания.

А. М. ПЕВНОВ

НИВХСКИЙ И ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЙ ЯЗЫКИ: ПРОБЛЕМЫ КОНТАКТОВ

В генетическом отношении нивхский язык является изолированным, по традиции, идущей от Л. Шренка, его причисляют к так называемым палеоазиатским. Остается неясной причина генетической изолированности того или иного языка. Весьма вероятно, что такого рода изоляты являются реликтами языковых семей, прекративших свое существование в силу экстралингвистических обстоятельств.

Время от времени предпринимались попытки найти родственников нивхского языка в Азии и даже в Америке. Внимание лингвистов привлекают нивхско-алтайские языковые связи (В. З. Панфилов, А. А. Бурькин).

Несомненно, проблема отношения нивхского к алтайским, и, в первую очередь, к тунгусо-маньчжурским языкам, заслуживает серьезного обсуждения, однако объявлять нивхский язык полноправным членом алтайской языковой семьи кажется чересчур поспешным.

В то время как генетически нивхский язык выступает изолированным, намечаются весьма любопытные структурные аналогии этого языка с айнским, японским, корейским, а также с китайским и языками Юго-Восточной Азии. Это, конечно, не языковой союз, но и не просто типологический параллелизм. Речь идет о каких-то иных, очень древних отношениях между языками в пределах обширной географической зоны. Назову несколько наиболее ярких общих признаков указанных языков: 1. качество выражается глагольными словами, а не именными; 2. количество передается не абстрактно, а через более или менее сложную сетку классификационного видения окружающего мира; 3. актуальное членение предложения может получать грамматическое оформление (нивхский, японский, корейский, т.е. «языки с морфологией»); 4. имеется только одна плавная фонема (при этом в нивхском языке наблюдается довольно странная ситуация — «р» и «л» выступают самостоятельными фонемами, однако «р» является плавным сонантом только на фонетическом уровне, с точки зрения фонологии «р» принадлежит к шумным согласным, так как, во-первых, участвует в чередовании «т-р-д» и, во-вторых, имеет глухой коррелят «рш»).

Однако не менее интересно то, что у нивхского языка имеется структурное сходство со значительным числом американских индейских языков. Вероятно, нивхский представляет собой в определенном смысле связующее звено между языками Восточной Азии и Америки.

Если же говорить не о структурном сходстве, а о материальных параллелях, то они устанавливаются главным образом с тунгусо-маньчжурскими языками. Разумеется, речь идет в данном случае о заимствованиях.

Первая и пока единственная работа, специально посвященная этой тематике, принадлежит Е. А. Крейновичу (Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели) (Доклады и сообщения института языкознания АН СССР, 1955. — № 8. — С. 135-167.). Е. А. Крейнович приводит в своей статье

словарь заимствований, включающий 234 сравнения. Большая часть предлагаемых аналогий бесспорно верных, однако примерно 70 сравнений, на мой взгляд, ошибочных.

Следующий этап выявления нивхско-тунгусо-маньчжурских параллелей отражен в фундаментальном «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» (Т.1. — Л., 1975. Т.П. — Л., 1977).

Наряду с тем, что уже обнаружил Е.А.Крейнович, составители словаря дают около сорока новых лексических соответствий. Работая с этим словарем и пользуясь для сравнения «Нивхско-русским словарем» В.Н.Савельевой и Ч.М.Таксами (Л.,1970), автор данной статьи нашел еще 70 соответствий. Таким образом, общее количество нивхско-тунгусо-маньчжурских параллелей, насколько мне известно, равняется 264.

Что представляет собой этот сводный список? Прежде всего, надо сказать, что примерно половина слов относится к лексике, связанной с культурой — в основном материальной, но есть и термины из области духовной культуры. Приведу в русском переводе большую часть лексических культурных заимствований:

а) термины, относящиеся к зимнему жилищу маньчжурского типа: нары, дымоходная труба под нарами, боковые нары, рогожа (циновка), балка, пол, окно, крыша, дымоходная труба, стол, лампа, вешалка (полка), замок, ключ;

б) термины, относящиеся к езде на собачьих нартах: собачьи нарты, лямка в собачьей упряжке (ошейник), потяг (центральный ремень в собачьей упряжке), остол (тормоз), вертлюг (подвижное крепление в собачьей упряжке);

в) термины, относящиеся к рыболовству: сплавной невод, ставная сеть, острога, рыболовная снасть для осетра и калуги, рыбачить неводом, заготавливать рыбу во время путины;

г) названия домашних животных: корова, лошадь, свинья, курица;

д) названия орудий труда и промысла: ружье, порох, сверло, лучковая пила, тесак, тесло, охотничья петля, поняга, коромысло, корыто (не для белья), ступка, черпак, поварешка, инструмент для витья веревок;

е) названия одежды, украшения: ватный стеганный халат маньчжурского типа, мужская юбка из нерпичьих шкур, подкладка, тужурка, рукавицы, обувь из рыбьей кожи, бубенчик, металлическое или нефритовое кольцо на палец;

ж) названия культовых предметов, термины шаманизма: шаман, пояс шамана, деревянная культовая фигурка, деревянный идол, молиться (кланяться), инау, деревянная ритуальная чашка, медвежий праздник;

з) названия пищевых продуктов и пищи: мука, гаолян, соль, горох, сода, сахар, суп, мось (студень из рыбьей кожи), водка, строганина;

и) прочие термины культуры: котел, ведро из бересты, хлопчатобумажные нитки, вата, ткань, шелк, палочки для еды, медный сосуд для водки, золото, олово, жесь, латунь, сталь, раб, начальник, бумага, письмо, краска (тушь), долг, деньги, карты, пушка, курительная трубка, табак, свертывать листья табака в сигару, закон, весы, предание, струнный музыкальный инструмент, варган, город, джонка (большая лодка), кисет (сумка).

Из всех этих слов (здесь их 102, на самом деле в полном списке их несколько больше) только примерно 9 процентов могут быть отнесены к заимствованиям из нивхского в тунгусо-маньчжурские языки: тесло (ороч., улчь., орок.), тесак (ороч., нан., бикин.), рукавицы (ороч., удэг., улчь., орок., маньчж.), обувь из рыбьей кожи (нан.), культовая деревян-

ная фигурка (нан., ороч., ульч., орок. — в этих языках приобрело значение «кукла»), деревянная ритуальная чашка (негид., ульч.), медвежий праздник (негид., ульч.), суп (негид.), мось (негид., ороч., ульч.).

91 процент приведенных слов (точнее, перевода на русский язык) являются культурными заимствованиями из тунгусо-маньчжурских языков в нивхский. Очевидно, основная часть этой лексики отражает маньчжурский культурный пласт, представленный в материальной и духовной культуре всех народов Приамурья.

Разумеется, маловероятно, чтобы маньчжурская лексика непосредственно заимствовалась нивхским языком (хотя такие факты имеются), посредником были языки тунгусо-маньчжурских народностей Приамурья.

Хронологически основной массив рассматриваемой лексики относится, вероятно, к периоду с XVII по XIX вв. С XIX в. началось влияние русской культуры, также, естественно, получившей отражение в нанайском, ульчском, нивхском и др. языках.

Столь уверенная датировка культурных заимствований в нивхском языке дается на том основании, что они не могут быть истолкованы как чжурчжэньская лексика. Фонетические особенности заимствованных слов и отсутствие явных «чжурчжэнизмов» — все это свидетельствует в пользу именно маньчжурского языка, правда, прошедшего через фильтр той языковой среды, которая в настоящее время существует в виде нанайского, ульчского, ороцкого и т.д.

Специальной оговорки требуют слова, относящиеся к езде на собачьих нартах, а также такие понятия как поняга, ведерко из бересты, охотничья петля, шаман, пояс шамана, строганина, предание. Все это, конечно, не связано с маньчжурской культурой и маньчжурским языком. Вызывает удивление тот факт, что такие, казалось бы, исконно нивхские атрибуты культуры как езда на собачьих нартах и употребление в пищу строганины, оказывается, представлены в нивхском языке заимствованиями из тунгусо-маньчжурских языков, точнее, из представителей той их ветви, которую удобно именовать амурской. Можно думать, что подобная лексика отражает второй культурный комплекс — собственно амурский — наиболее полно сохранившийся почти до нашего времени у самых малочисленных народностей, таких как негидальцы, орочи, удэгейцы. Носители этого комплекса играли, вероятно, немаловажную роль в этногенезе ульчей и нанайцев, а также восточных групп эвенов (особенно арманских). Что касается особенностей самого комплекса, то для него характерны: оседлый образ жизни (летом рыболовство, зимой — охота), ручная нарта (иногда запрягали собак), переноска грузов при помощи поняги, берестяная лодка и вообще очень широкое использование бересты. Этот весьма архаичный комплекс несколько веков назад был перекрыт маньчжурским культурным комплексом, оставившим наиболее заметный след в культуре нанайцев и ульчей, но также существенно повлиявшим на образ жизни всех остальных народностей Приамурья. Интересно, что именно два этих комплекса нашли отражение в фольклоре негидальцев (М.М.Хасанова. Этнические контакты негидальцев (по данным фольклора) / Проблемы историко-культурных связей народов Дальнего Востока. — Владивосток, 1989. — С.110). Следует признать, что амурский комплекс, в отличие от маньчжурского, представлен в нивхских лексических культурных заимствованиях весьма слабо. Объясняется это, очевидно, тем, что при незначительном различии потенциалов одноуровневых хлзязственно-культурных типов маловероятна культурная экспансия, столь естественная при контактах с маньчжурской культурой или сменившей ее русской.

Вообще же надо сказать, что в историческом плане с амурским культурным комплексом много неясного, поэтому лучше воздержаться от дальнейших выводов, определения хронологических рамок и т.д. Остановимся на констатации очень высокого удельного веса культурной лексики, заимствованной нивхским языком под напором мощной маньчжурской культурной волны. Правда, маньчжурской ее можно считать только по месту возникновения культурных импульсов, т.е. генетически маньчжурской. Непосредственно нивхи вряд ли были в широком и длительном контакте с маньчжурами, передатчиком культурных новшеств являлись соседние с нивхами тунгусо-маньчжурские народности.

Хотелось бы еще раз коснуться заимствований «в обратную сторону», т.е. из нивхского языка в тунгусо-маньчжурские. Не удивительно, что мы их находим в орокском, ульчском, негидальском, орочком и даже нанайском языках. Заставляют задуматься нивхские лексические вкрапления в маньчжурском, удэгейском, эвенском и даже в нескольких очень удаленных от устья Амура диалектах эвенкийского языка (в северо-байкальском, баргузинском и даже в подкаменно-тунгусском). Например, согласно «Сравнительному словарю тунгусо-маньчжурских языков», нивхскому лонгными «рог луны, полумесяц» (из лонг «луна» и нлами «половина») соответствует в подкаменно-тунгусском и баргузинском диалектах эвенкийского языка слово лонгдяма «первая четверть луны» (в подкаменно-тунгусском также «серп луны»). Характерно, что забайкальские диалекты эвенкийского имеют и другие лексические соответствия с языками Приамурья, что свидетельствует, очевидно, о бывших миграциях населения.

Странные факты наблюдаются в орокском языке: на фоне легко заимствуемой лексики, например, названий морских рыб, резким контрастом является заимствование нивхских слов, означающих «яйцо», «звезда», и даже, вроде бы, «луна». Необычность состоит в том, что все три слова относятся к так называемой базисной лексике, обладающей высокой степенью устойчивости.

Из нивхско-маньчжурских параллелей приведу наиболее интересные: маньчж. дакула. «брюшина, кожа под брюхом» — нивх. такл (к — увулярный), «брюшко рыбы»; маньчж. мачжигэ. «немного» — нивх. матьки. «маленький», маньчж. куватири. «зверь, похожий на медведя»; — нивхск. котр. (к — увулярный, аспирированный), «медведь»; маньчж. вэчжи. «дремучие леса» — нивх. узи. «чаща, тайга» (ср. чжурчж. удигэ. /г — проточный/ «дикий»); маньчж. эрги. «сторона, страна света» — нивх. эрк. (к — увулярный) «сторона (направление и пространство)». Только в отношении двух последних соответствий можно определенно говорить о том, что заимствование шло из маньчжурского в нивхский. Направление заимствования надежно устанавливается тогда, когда возможен этимологический анализ слова. Например, маньчжурскому хувэчжи. «деревянный ковш» соответствует нивхское слово ковс. (к — аспирированный), маньчжурскому бабуха. «перчатка» — нивхское вамк. (к — увулярный) «рукавицы» (ср. также ороч. вабанггэ, удэг. вамбахи, ульч. вагбангги, орок. мамбака — мангбака «рукавицы»); поскольку в нивхском — с является словообразовательным суффиксом со значением орудия действия, а суффикс -к (увулярный согласный) оформляет некоторые названия одежды, делаем вывод о том, что рассматриваемые слова заимствованы из нивхского языка в маньчжурский. Еще один пример. Нивхский глагол кыр. (к — аспирированный) «рыбачить неводом, неводить» заимствован из маньчжурского языка — ср. маньчж. хэрэ. «1. процеживать, 2. снимать пену шумовкой, 3. черпать, 4. вынимать сеть (из воды), 5. ловить сетью (о пауке), 6. мять (коноплю)». Направление заим-

ствования определяется исходя из наличия широкой (разветвленной) семантики у маньчжурского глагола, дополнительным подтверждением служит то, что маньчжурское *хэрэ*. — само, оказывается, является заимствованием из корейского *корыда* «процеживать». Отмечу, что производные от маньчжурского слова имеются в ульчском, орокском и нанайском языках (например, нан. *хэру*. «сеть с мелкими ячейками, для подледного лова в зимнее время».)

Необходимо отметить, что в нивхском языке есть несколько слов, свидетельствующих о былых культурных контактах с каким-то неизвестным нам языком, из которого нивхский заимствовал такие важные термины, как *выть*. «железо», *тото*. «серебро», (на эти слова обратил внимание в своей статье Е.А.Крейнович), а также *рак*. (к — увулярный), «крупа». Айнский язык не имеет к этим словам никакого отношения. Кстати, лексические контакты нивхского и айнского языков ограничиваются совсем малым количеством общих слов (парус, бубен, дуб и , вероятно, некоторые другие).

Итак, контакты нивхского языка с тунгусо-маньчжурскими получили отражение в лексике, причем донором были в подавляющем большинстве случаев тунгусо-маньчжурские языки и заимствовалась преимущественно лексика, связанная с культурой (примерно 50 процентов всех соответствий). Фонетические соответствия весьма простые. Несмотря на принципиальные отличия фонологических систем нивхского и тунгусо-маньчжурского языков, близость слов можно установить обычно без применения специальных процедур. Все это подтверждает то, что заимствования являются сравнительно поздними. Какого-либо существенного воздействия на грамматический строй и особенности лексической семантики не обнаруживается. Культурная лексика, как правило, обозначает реалии маньчжурской культуры, эстафетным путем распространившейся в течение XVII — XIX вв. в бассейне Нижнего Амура. Таким образом, приходим к общему выводу: контакты нивхского и тунгусо-маньчжурских языков были довольно поверхностными, преимущественно однонаправленными и начались относительно недавно.

ХАНС А. ДЕТТМЕР

АЙНСКАЯ ГРАММАТИКА НАГАТЫ ХОСАЙ (1883)

Нагата Хосай один из тех людей, о которых забыли. Тем не менее, он был пионером айнской лингвистики и одним из ведущих ученых в этой области.

Он родился в 1838 году в Эдо в семье вассала Сэйджо-хан; скончался через семьдесят с лишним лет, в 1911 году, в своем родном городе, к тому времени названном Токио. Посещал академию Сегуната (Shohei-zaka gakusho-sho), где основными предметами для него были японский и китайский языки. В 1861 году в возрасте 23 лет он был представлен к должности учителя в своем округе. Десятью годами позже он стал чиновником администрации хана, а с 1879 года в течение трех лет был на службе в школьном совете префектуры Яманаси.

В 1882 году Нагата был назначен профессором синологии в Кэйтакуси (в Министерство Развития Хоккайдо). Именно этот год мы рассматриваем в качестве отправной точки в его айнских исследованиях. Ему было вверено образование айнов в местности Ямакоси-гун, что в южном Хок-